

— Малыш, забираешься так высоко, осторожно, упадёшь.

Пришедший был одет в чёрное одеяние, фигура у него была стройной, на голове — серебряная диадема, а у висков спускались две тонкие косички, украшенные серебром, переходившим на лоб. На лбу, отражая солнечные лучи, сверкал чёрный нефрит «Кошачий глаз», придавая лицу юноши, и без того трудноподдающемуся определению пола, ещё более демонический вид. В данный момент этот демонически красивый юноша смотрел на мальчика на дереве с нескрываемой нежностью.

— Чэнь-гэ! Скорее поднимайся сюда, посмотри, эта белка меня совсем не боится! Я решил, что буду её держать!

Чжоу Ицзюэ обернулся к юноше и звонко засмеялся. Затем он снова повернулся к белке, глаза сияли от радости, губы расплылись в широкой улыбке. Он протянул руку и аккуратно взял белку на руки; та немного попрыгала, но скоро смирилась и осталась лежать у него на руках.

В глазах юноши в чёрном плескалась улыбка, но на лице сохранялось полное безразличие:

— Цзюэ, я считаю до трёх. Если не спустишься, танхулу не будет.

Чжоу Ицзюэ надул губки:

— Эй... ну ладно, ладно, я сейчас спущусь.

Мальчик, всё ещё сидевший на стволе, медленно развернулся и, обхватив дерево одной рукой, начал спускаться.

Внезапно нога соскользнула, и тело мальчика стремительно полетело вниз!

Зрачки юноши в чёрном сузились, сердце, казалось, пропустило удар. Он мгновенно бросился вперёд и подхватил мальчика, деловито произнеся:

— Чжоу Ицзюэ, если ты ещё раз залезешь так высоко, я накажу тебя линейкой.

Верно, этот юноша в чёрном был не кто иной, как самый молодой принц-регент царства Чжоу, всего пятнадцати лет, а также наставник наследного принца — Шаньюнь Чэнь. А наследный принц, разумеется, был тем самым мальчиком, которого он держал в объятиях.

Глаза Чжоу Ицзюэ блестели от слёз, он жалостливо посмотрел на Шаньюнь Чэня и заиграл:

— Чэнь-гэ... Я больше не буду... Не будь таким злым, моя правая рука до сих пор опухла.

Шаньюнь Чэнь бегло взглянул на правую руку Чжоу Ицзюэ и приподнял бровь:

— Если наследный принц и в следующий раз будет таким шальным, я буду пороть твою задницу.

С этими словами он перенёс руку, державшую мальчика, именно туда.

Лицо Чжоу Ицзюэ тут же покраснело, брови нахмурились, и он ответил с явным трудом:

— Чэнь-гэ... но матушка говорила, что мужская сила сосредоточена именно в заднице. Если я её поврежу, как же Цзюэ будет жениться?

В глазах Шаньюнь Чэня промелькнуло нечто тёмное, он тихо прошептал:

— Если не сможешь жениться, выйдешь за меня, ладно?

— А? Чэнь-гэ, что ты сказал?

Чжоу Ицзюэ не расслышал и вопросительно посмотрел на него.

Шаньюнь Чэнь нежно посмотрел на малыша в своих объятиях, ничего не ответил и направился в покои наследного принца.

— Чэнь-гэ... танхулу такой вкусный!

Чжоу Ицзюэ счастливо щурился, рот был набит танхулу, в уголках губ оставались крошки сахара. Шаньюнь Чэнь глядя на его милый вид, тоже с нежностью улыбнулся.

— Кстати, сегодня матушка сделала для меня ледяное пирожное из маша. Я оставил тебе два кусочка, скорее пробуй.

Чжоу Ицзюэ, набив рот танхулу, встал, принёс ледяное пирожное и с гордостью, как сокровище, пододвинул его к Шаньюнь Чэню.

Шаньюнь Чэнь опустил взгляд на пирожное, лицо выявило замешательство...

— Хорошо.

Он протянул руку, взял кусочек и откусил немного, уголок губ поднялся вверх.

— Вкусно.

[Чэнь-гэ больше всего на свете не любит сладкое, но... кто же его просил меня дразнить?] — Чжоу Ицзюэ, хитро улыбаясь, думал про себя, грызя танхулу.

...

Семь лет спустя царство Чжоу пало.

Чжоу Ицзюэ был весь в крови, руки были прибиты к деревянному столбу для пыток, плечи сквозь пронзены цепями. Он поднял голову и посмотрел на дерево за окном, вспоминая мелочи детства.

— Чэнь-гэ, я скучаю по тебе...

— Жаль, но твой Чэнь-гэ, чтобы спасти тебя, был пронзён тысячью стрел и умер за стенами дворца.

Женщина в богатых одеждах вошла в темницу, прикрывая рот и нос рукой, с отвращением посмотрела на Чжоу Ицзюэ и холодно рассмеялась.

Вместе с ней её слуги внесли тело, завернутое в белую ткань, но просочившееся кровью. У лежавшего не было ни капли крови в лице, губы были белыми, чёрный нефрит «Кошачий глаз» на лбу лишился блеска. Лежащим был Шаньюнь Чэнь.

— Нет! Чэнь-гэ! Я убью тебя!

Чжоу Ицзюэ больше не выдержал, с кашлем выплюнул кровь, слёзы потекли ручьём, когда он смотрел на Шаньюнь Чэня.

— Ты, подлый человек! Ты разрушил мою семью, и этого тебе было мало! Зачем ты причинил боль Чэнь-гэ? Шаньюнь Лань! Это твой родной брат, как у тебя хватило духу! Ты бесстыдная женщина... ах!

Чжоу Ицзюэ, плача, с глазами, готовыми треснуть от гнева, рычал, изо всех сил пытаясь вырваться и задушить женщину перед собой, но руки, прибитые к столбу, не шевелились. Взгляд был мёртвым, прикованным к женщине, которую он ненавидел всеми фибрами души.

— Он не мой родной брат. Ради тебя он смог отречься даже от меня, сестры, и даже уговаривал меня отказаться от мести! Я уже давно считаю его мёртвым!

— Твой любимый отец-император, чтобы заполучить меня, вырезал весь род Шаньюнь. Мы с Юнь Чэнем шаг за шагом шли к этому дню, но он смягчился и сказал, что забирает тебя с собой... Хм, твой отец заставил меня потерять моего ребёнка, моего мужа он подставил, и тот погиб на поле боя. Как я могу тебя отпустить? Вيني своего отца, одержимого похотью. — Шаньюнь Лань, вспоминая прошлое, злобно сжала подбородок Чжоу Ицзюэ.

— Хм... это долг рода Чжоу перед тобой. Ты должна ненавидеть нас, Чжоу, но что сделали простые люди? Ты открыла ворота и сдалась, позволив вражеской стране уничтожить наших подданных. А твой долг перед ними? Чем ты отличаешься от моего отца?

Чжоу Ицзюэ смотрел на Шаньюнь Лань, словно уже принял жизнь и смерть. Он знал, каким был его отец. В своё время его матушка также была доведена его отцом из-за интриг этой женщины до повешения.

— Ты... хм, просто пустые слова. Ты думаешь, решение сдать город было моим? Это твои третий и четвёртый братья испугались смерти. Я лишь помогла им. Ты хочешь разозлить меня, чтобы я убила тебя? Хорошо, мой любимый братик сошёл с ума по тебе, так что я исполню его желание и отправлю тебя к нему. — Шаньюнь Лань подняла руку, подзывая слугу.

— Человека! Отвести его, предать медленной казни.

Затем она подняла правую руку и, опираясь на служанку, покинула темницу. Выйдя за дверь, она подняла голову и посмотрела на небо, лишённое света.

— Чэнь...

Шаньюнь Лань уронила слезу и ушла.

Эта казнь длилась целых два часа, но Чжоу Ицзюэ, который обычно орал от малейшей боли, не издал ни звука.

— Чэнь... Чэнь-гэ... ты... идёшь... медленнее, подожди Цзюэ... — Чжоу Ицзюэ повернул голову к лежащему рядом Шаньюнь Чэню, произнёс это и перестал дышать.

В это время в небе появилась золотая искра, осветившая обоих. Она промелькнула на мгновение, но заставила чёрный нефрит «Кошачий глаз» на лбу Шаньюнь Чэня вновь сиять.

— Триста лет прошло, а кто-то смог меня вызвать.

Молодой монах, всё тело которого излучало золотой свет, с маленькой лисой на руках появился перед Шанъюнь Чэнем.

Шанъюнь Чэнь был весь в крови, но совершенно не обращал внимания на раны. Руки дрожали, обнимая Чжоу Ицзюэ, взгляд был прикован к уже мёртвому, с ужасно изуродованным лицом, как будто всё происходящее вокруг не имело к нему отношения. Было лишь раскаяние: почему он не смог спасти любимого человека. Он не поднял глаз на молодого монаха.

Его Цзюэ так боялся боли, как же он вынес такую жестокую казнь? Он не смел представить, закрыл глаза и прижался лицом к уже остывшему телу в объятиях, к лицу, которое стало неузнаваемым.

— Возникновение причины... и угасание, всё в одном твоём порыве. Твоя навязчивая идея слишком сильна, Чжоу Ицзюэ из-за неё не может переродиться. Ладно... уж кто я такой, чтобы не помочь. Я могу отправить Чжоу Ицзюэ в путь перерождения. Он переродится в теле ребёнка из богатой семьи, где родители будут любить его. Но ты будешь каждый день страдать от невыносимой головной боли, словно тело пронзают тысячи стрел. Ты согласен? — медленно произнёс молодой монах.

— Согласен!

Шанъюнь Чэнь наконец поднял голову, глаза багровели, и он с волнением ответил.

— Однако... после перерождения у него не будет никаких воспоминаний о вашем прошлом. Если он не полюбит тебя, ты будешь низвергнут в преисподнюю, на вечные муки, день и ночь горя в огне красного лотоса. Ты всё ещё согласен?

— Согласен! Лишь бы ты смог его оживить! Лишь бы он жил хорошо, даже если я не попаду в перерождение и буду вечно гореть в огне красного лотоса в преисподней, я согласен!

<http://bllate.org/book/16439/1490077>